

Категория одушевлённости

Учителя об Учителях
Сборник эссе

Содержание

Обращение к читателям	4
Часть 1. Учителя об Учителях	
<i>Ж. Афанасьева.</i> Привести Жизнь на урок (очерк об Э. Э. Кац).....	5
<i>Е. Скляр.</i> «Научный отец» (очерк об А. Т. Хроленко)	9
<i>Н. Батюкова.</i> Я буду драться, или Солнечные дары (очерк о Т. И. Ерофеевой)....	12
<i>М. Волкова.</i> Хочу влюблять детей в Некрасова (очерк о Н. Н. Пайкове).....	14
<i>Н. Боброва.</i> Фотография, которой нет (очерк о Л. И. Сайковской)	17
<i>С. Громина.</i> Скованные одной цепью (очерк об И. Ю. Островской)	19
<i>Н. Лындина.</i> Обитель знаний (очерк об иеромонахе Петре Василенко)	23
<i>О. Мамаева.</i> Любимая. Неповторимая. Первая (очерк о В. М. Озеровой)	25
<i>А. Давыдова.</i> Жизненная позиция (очерк о Л. Т. Пантелеевой).....	28
<i>Е. Дудина.</i> Категория одушевлённости (очерк об А. А. Камаловой)	31
Часть 2. Эссеистические этюды в стиле ЕГЭ	
<i>Т. Бессонова.</i> Мы смеёмся не над вами, а вместе с вами	38
<i>М. Волкова.</i> Учитель — это диагноз	40
<i>Е. Федорцова.</i> Чудики	42
От составителя	45

*Есть некий час — как сброшенная клажа:
Когда в себе гордыню укротим.
Час ученичества, он в жизни каждой
Торжественно-неотвратим.*

М. И. Цветаева

Обращение к читателям

Дорогие друзья!

Перед вами книга, написанная учителями об Учителях. Трогательные, проникновенные очерки составляют галерею учительских портретов, в каждом из которых вы обязательно найдёте знакомые черты своих любимых наставников. Учителя, когда-то надёжно взявшие нас за руку, никогда не отпускают, живя в уголке нашей души тихим негаснущим светом. И вот уже мы сами, став наставниками для других, сохраняем нерушимую связь между своими Учителями и теми, кто называет учителями нас.

Авторы очерков — не маститые писатели, а простые преподаватели-словесники, с энтузиазмом осваивающие новые грани профессионального мастерства. Эти творческие педагоги не боятся выходить за рамки привычного учительского амплуа, не стесняются вновь примерить ставший когда-то тесным ученический пиджак — и учатся: учатся писать сильные тексты, учатся комментировать и редактировать работы коллег, учатся конструктивно воспринимать критику и оттачивать стиль и слог, неустанно стремясь к совершенству.

Настоящий учитель умеет хорошо делать то, чему учит. Именно поэтому наши талантливые педагоги умеют и любят писать сочинения — и пишут их по всем экзаменационным правилам и законам. Во второй части книги представлены образцы сильных сочинений, написанных учителями по предложенному тексту — в формате сочинения ЕГЭ. Хотя и критикуют этот формат за «шаблонность», но, читая сочинения, вы убедитесь: талантливый автор в тексте любого формата сумеет проявить остроумие, показать широту кругозора, продемонстрировать красоту филигранной русской речи. В представленных сочинениях продолжаются рассуждения об Учителях и Учениках, о том, как переплетаются их судьбы, как они друг друга отражают и друг в друге отражаются.

С волнением и трепетом отпускаем мы эту книгу в мир и от души надеемся, что, читая её, вы добрым словом вспомните своих учителей — тех, кто вручил вам крылья.

*Елена Дудина,
кандидат филологических наук,
наставник учительской мастер-группы
«Сильное сочинение»*

Привести Жизнь на урок

- Ребята, в чём поэт видит величие Суворова?
 - ...В простоте?
 - Да. Потому что всё поистине великое — просто.
- (Э. Э. Кац, урок по стихотворению
Г. Р. Державина «Снигирь»)

«Своего» учителя литературы, Эллу Эдуардовну Кац, я встретила, когда уже три года стояла за учительским столом.

Собственно, литературу я полюбила не благодаря школьным учителям, но возможность говорить о книгах — на уроках истории, литературы — я видела только в школе, поэтому, наверное, и решила стать учителем. В начальной и средней школе книги, которые мы, дети, действительно *читали*, никак не пересекались с книгами, которые *проходили по программе*. Впервые стало интересно в старших классах, но это уже был педкласс, и я уже чётко знала, зачем я там. То есть на моё решение стать учителем, и именно литературы (русский меня интересовал только как приложение), повлияли только Книги. Именно так: с большой буквы и с придыханием. Это был особый, высший мир, круг посвящённых, и, став учителем, я всеми силами старалась расширить этот круг своими учениками: мы штудировали биографии авторов, осваивали непонятные нам исторические реалии описанных в книгах эпох, продирались сквозь дебри индивидуальных стилей писателей... Как и всякий равнодушный учитель, я находила у своих учеников живой отклик, и всё шло, в общем, неплохо.

Но... Этому «но» меня тоже научила Элла Эдуардовна. («У Пушкина "но" — это всё! Перелом в стихотворении...») Моим «но» стала советская традиция ещё реально работающих методических объединений, когда молодого специалиста ненавязчиво встраивают в школьную жизнь, приобщают к опыту старших коллег. И вот в рамках такого приобщения я должна была прийти на урок к Элле Эдуардовне, которую до этого видела только мельком. Даже зная этого человека лишь понаслышке, я понимала, что это — глыбище, мастер, уже тогда — легенда. Я была вся внимание и трепет.

Урок проходил в начальной школе: Элла Эдуардовна апробировала линию литературного чтения УМК «Планета знаний», начинала писать с начального звена и вела уроки сама. Я устроилась за последней партой, впереди — сдержанное жужжание неусидчивых второклассников. Элла Эдуардовна вошла в подготовленный к её приходу класс совсем просто, без малейшего налёта важности

или собственной значимости. Она энергично кивнула всем, прошла к столу, повернулась к классу и поздоровалась — тоже просто, но так внимательно, так обратившись всей собой к нам, что было чувство, будто она именно тебе сказала «здравствуйте». Все невольно подобрались. Когда человек вот так, всего себя, отдает, вступая в разговор с тобой, — не отвернуться.

Я приготовилась к красивому вступлению, «слову о писателе», «дорогие ребята, сегодня мы с вами...», и ещё с такой отеческой расстановкой, интонацией, сдерживающей назидательность, чтоб не очень давила.

— Ребята, я сегодня с утра шла на работу... И вот у помойки — у мусорных контейнеров — я увидела старуху...

Помойка? Я опешила. Какая помойка? При чём здесь помойка?

А Элла Эдуардовна продолжала говорить и говорила так, как будто мы были сто лет знакомы, как будто без этого разговора она не могла общаться с нами дальше...

— Старуха совсем бедная, аккуратная, но бедная. Она что-то искала в этом контейнере.

Сообщение детей не удивило. Для Москвы 90-х это было тяжело, больно и — не в диковинку. Но я не верила своим ушам. Урок литературы! Святая святых и — старуха, роющаяся в мусорном баке... А Элла Эдуардовна продолжала разговор, делилась тем, что было важно, что мучило и не отпускало. И что было оттуда, из жизни, которая всегда течёт где-то **за** школьными окнами и дверями.

— Почему я знаю эту старуху? Я часто вижу её, когда она кормит бездомных кошек... Ребята, мы сегодня будем с вами читать рассказ про животных и про доброту. Я хочу, чтобы вы знали: добрый не тот, кто отдаёт лишнее. Добрый тот, кто делится необходимым. А теперь давайте посмотрим, что думает об этом...

Всё, дальше я не помню урок (конечно, дети открыли книги, начали читать, началась работа с текстом...). Помню себя: моё литературное время остановилось и пошло с новой точки отсчёта. То, что я увидела, — это была не связь с жизненным опытом, не параллель, не пример из жизни, это человек открыл дверь — и привёл Жизнь с собой на урок. И книга стала средством понимания этой жизни, поводом для разговора о ней, хлебом насущным для споров и размышлений.

В тот момент все мои книжные герои-небожители сошли со своих пьедесталов, облегчённо вздохнули, расправив затекшие плечи, и пошли рядом со мной. В роскошном красном «порше» мчался по Тверской Онегин, в министерстве мелькал за спинами конъюнктурщик Молчалин, а простоватый мудрый Максим Максимыч выглядывал из-за поста школьной охраны...

С того дня Элла Эдуардовна была всегда рядом. Она учила, как выразительно читать, как анализировать произведения, как ходить в театр, как писать сочинения... Конечно, всему этому меня научили в институте (не просто научили —

на курсе у меня было прозвище «*natural born teacher*» — прирождённый учитель). Что это было? Родство душ? Высокие материи... На языке науки это называется процедурное знание — то, чего не опишешь в методических пособиях, что, как в средневековых гильдиях, передаётся только от человека к человеку. И я ни разу не почувствовала себя задетой, или неумелой, или неуспешной. Это был даже не такт — потому что Элла Эдуардовна не делала замечаний, которые надо было смягчать; это был взгляд мастера, гравившего... Я не алмаз, конечно. Но в глазах Эллы Эдуардовны я видела себя им. Уже в зрелом возрасте я поняла, что это свойство редких людей — чтобы каждый человек рядом с ними чувствовал себя особенным...

Однажды Элла Эдуардовна пригласила меня обсудить что-то по работе к себе домой. Обычная скромная квартира в типовой пятиэтажке. Рыжий снисходительно-приветливый кот. Книжки, книжки, книжки... И только старинное строгое кресло «надцатого» века, будучи отдельно, как живое существо, представлено, придавало дому налёт какого-то гофмановского двоемирия... Помню, как меня поразил абсолютно чистый рабочий стол, в полированной поверхности которого отражался снег за окном, и магнитофон — чтобы во время работы звучала музыка. Когда через много лет я впервые услышу Михаила Казиника — своей увлеченностью, непоколебимой и неистовой верой в созидательную силу музыки он мне напомнит именно Элли Эдуардовну, которая так же верила в силу слова.

...Тогда возникла проблема с очень сильным восьмым классом, у которых я была словесником. Предстояло общее собрание: всех детей с родителями и учителями, важный и нервный разговор. Узнав об этом, Элла Эдуардовна пообещала прийти. Это были не её дети, она только иногда давала в их классе уроки, и эта неприятная, заведомо конфликтная ситуация была ей совсем не нужна, но она пришла, причём к самому началу собрания.

Она напомнила ребятам, как они вместе читали Библию. И что там сказано: человек создан по образу и подобию Божью. И что делает его таким свобода выбора. И что им самим выбирать, какими им быть.

После этого собрание можно было завершать. Дети запомнили из него именно это и всё поняли. Конечно, на следующий день они не стали ангелами. Просто стали чаще вспоминать о выборе. Я тоже поняла, и не только про выбор. Про то, что это свойство высокой природы и большого сердца — быть не там, где хвалят, а там, где «болит» и где надо помочь.

О самой Элле Эдуардовне можно написать не очерк, а целую книгу. Я думаю, её жизни хватило бы на хороший роман, но сейчас в реальности — это две строчки в сетях и многочисленные упоминания в интервью: научила, открыла, поддержала... Для меня она всегда будет Учителем, связавшим высокое искусство литературы с буднями нашей жизни, показавшим, что Книга нужна каждому —

пусть в меру его понимания, способностей, таланта, опыта, но — нужна, жизненно необходима. Книга для жизни.

Элла Эдуардовна Кац — кандидат педагогических наук, заслуженный учитель РФ, автор учебных пособий по русскому языку и литературе.

«Научный отец»

1 сентября 2001 года. В учебной комнате оживлённо беседуют 63 человека, немного взволнованные и воодушевлённые началом новой взрослой жизни.

Звенит звонок, и в аудиторию заходит пожилой мужчина среднего роста, одетый в классический серый костюм, который гармонично сочетается с благородной сединой. «Категорически вас приветствую!» — начинает первую лекцию по введению в языкознание Александр Тимофеевич Хроленко, осматривая присутствующих хитрыми, слегка смеющимися глазами. «Не смущает ли вас это предложение?» — вовлекает он нас в диалог. С этого момента начинается воспитание уважительного и бережного отношения к каждому слову нашего прекрасного языка.

Многие из нас испытывали почти священный трепет: наш преподаватель — профессор с мировым именем, заведующий кафедрой русского языка! Слушая лекционные занятия, мы стремились записать каждое слово, чтобы, не дай бог, не упустить что-то важное, за что сразу же были прозваны «писарчуками». На практике мы по-юношески боялись ошибиться и показаться глупцами, расстраивались из-за не совсем удачных ответов, но врождённая интеллигентность, тонкое чувство юмора нашего преподавателя и умение подобрать нужные слова помогали разрядить обстановку и приободрить испытуемых. Для нас, ещё зелёных студентов, всегда была открыта дверь его кабинета, и для нас же был отведён специальный день и час, когда можно было прийти и попрактиковаться в транскрибировании, ответить конспекты, обсудить материал, задать интересующий вопрос.

Сказать честно, в школьные годы курс русского языка мало привлекал меня: сухие правила, исключения, скучные задания. Другое дело литература, на которой можно обсудить прочитанные книги, поучаствовать в дискуссии. Александр Тимофеевич сумел открыть дверь в таинственный и захватывающий мир лингвистики.

Мы встретились снова уже на третьем курсе — изучали основы лингвокультуроведения. Много говорили о связи языка с менталитетом и культурой народа и личности, об этнической принадлежности слов и уделяли большое внимание экологии языка. Богатый жизненный опыт, глубокие знания и энергичность преподавателя восхищали. Именно тогда я отчётливо поняла, что свою жизнь свяжу с преподавательской деятельностью, всё громче звучали в моей голове мысли об аспирантуре.

Масштабы научных достижений дорогого Учителя поражали меня. Увлечённый языком фольклорных песен и былин, Александр Тимофеевич создал школу лингвофольклористики «Курское слово», известную в стране и за рубежом, и вместе со своими учениками (среди них — Мария Александровна Бобунова, его дочь) проводил исследования в области фольклорной лексикологии, фольклорной диалектологии, а также кросскультурные исследования. Плодами их работы стали многочисленные словники и частотные словари, первые выпуски словаря языка былинных текстов, словари-конкордансы курских, архангельских, олонечских необрядовых лирических песен, песен Сибири.

Любовь к русскому слову нашла отражение и в изучении идиолектов писателей и поэтов, связанных с Курской землей. Посчастливилось и мне принять участие в этой работе, исследуя поэтический язык А. А. Фета и Ф. И. Тютчева. Первыми шагами стали курсовой и дипломный проекты. Конечно, это были робкие и несколько наивные попытки (сейчас-то я могу оценить их критически). Но как же мудро мой Учитель вдохновлял меня двигаться дальше! Требовательный ко всем, он ни разу за эти годы не упрекнул меня за мои ошибки, а напротив, терпеливо учил применять различные методики работы с текстом и словом, в том числе и авторские, обращал внимание на сильные стороны трудов других исследователей, с шуткой указывал на мои недочёты и доброжелательно объяснял, каким должен быть настоящий научный труд.

Качество работы всегда стояло на первом месте, поэтому он никогда не подгонял, но при этом призывал не затягивать, как бы вскользь упоминая о «первом законе зэка», негласно существовавшем на кафедре: раньше сядешь — раньше выйдешь.

Диссертацию я писала уже под руководством Марии Александровны Бобуновой. Опасался Александр Тимофеевич, что не доведёт меня до защиты: возраст был уже преклонный. Но он продолжал по-отечески заботиться о каждом ученике: первые конференции, первые публикации, регулярные семинары для аспирантов и соискателей, проводимые им два раза в месяц... Мы не только отчитывались о проделанной работе, но и учились у старших, обменивались идеями, научными находками. Щедро делился с нами и наш замечательный «шеф», восхищая своей эрудированностью и технической подкованностью — на восьмом десятке он разбирался в различных компьютерных программах лучше многих выпускников факультета.

Обязательная защита первой практической главы рукописи, на которой присутствовали два оппонента и все преподаватели кафедры, была для меня непростым испытанием: казалось, что я её с треском провалила. Как я позже узнала, подобные чувства в разное время пережили и другие аспиранты. Но именно так воспитывался характер исследователя, отсекалось все лишнее, наносное. Этот

опыт для нас был бесценным. Испытав стыд «поражения», на защиту диссертации мы выходили блестяще подготовленными.

Александра Тимофеевича всегда отличала вера в потенциал студентов. В каждом из нас с первых дней он пытался увидеть достойного продолжателя традиций, искренне любящего свою профессию и родину. За более чем шестидесятилетнюю педагогическую и научную деятельность он вдохновил своим примером огромное количество выпускников и помог встать на крыло почти полусотне молодых исследователей, а для многих из них, в том числе и для меня, стал «научным отцом». Уважение, доброжелательность, отзывчивость, с которыми Учитель относился к нам, служат для меня профессиональными ориентирами.

1 января 2022 года этот удивительный человек отметил своё 84-летие. От всей души хочется пожелать ему крепкого здоровья и творческих успехов!

Александр Тимофеевич Хроленко — доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член совета РАН по фольклору.

Я буду драться, или Солнечные дары

«А мой научный руководитель — Тамара Ивановна Ерофеева», — всегда с гордостью говорю я, когда речь заходит о преподавателях нашего университета. И, ревностно слушая другие имена, всегда отмечаю про себя: «Нет, вам не так повезло, как мне...»

Учитель... Наставник... Возможно, для многих образ такого человека связан с поучением, назиданием, но для меня это не так. В процессе совместной исследовательской деятельности Тамара Ивановна никогда не воспаряет «над учеником», она всегда наравне с ним и даже незаметно выдвигает его на первые позиции. Внимательно слушая своих подопечных, она тут же схватывает движение их мысли, сразу видя возможность её развития, и подталкивает учеников (дипломников, аспирантов, диссертантов) в нужном направлении. В этом совместном кипении научной мысли часто исчезают и учитель, и ученик; остаются процесс поиска, радость от совместной научной работы. Мысль всё время идёт вперёд, к новым вершинам, и хочется сделать больше, хочется сделать лучше, а причина этого порыва — похвала, искренняя радость за успехи ученика. Успех — у каждого! Может, и небольшой, но успех, и студент горд, он ценит и уважает себя, верит в себя и поднимается над собой.

Что особенно важно: общение с Тамарой Ивановной всегда наполнено такой всеобъемлющей добротой, что кажется, вся сила Любви, какая есть во вселенной, в этот момент сконцентрирована только на тебе и заслоняет тебя мягким солнечным светом от всех бед, несчастий и неудач. Если есть место, где душа ощущает восторг и блаженство, то это рай. Вершина человечности. Смогу ли я когда-нибудь достичь её или хотя бы приблизиться к ней?..

Так получилось, что некоторое время назад я ушла из науки, но и сейчас ценю каждую минуту разговора со своим Учителем. Обязательно расскажет о новых направлениях в лингвистике, похвалит своих диссертантов, а о себе почти ничего не скажет, разве только упомянет о том, что много интересных проектов и много работы.

«А мой научный руководитель — Тамара Ивановна Ерофеева», — всегда с гордостью говорю я, как бы давая понять, чтобы остальные даже не пытались поставить кого-то ещё рядом с её именем. Я буду драться и отстаивать свою точку зрения: «Тамара Ивановна — лучший в мире Наставник и Человек!»

Кто-то скажет, что я нарисовала идеальный портрет идеального человека, а таковых, как известно, не бывает. Я соглашусь. Никто и ничто в нашем мире не является идеальным: даже солнце то совсем не греет, то припекает так сильно, что

жар его становится невыносимым. Но главное в Солнце — это его Дар, Дар всему живому: Свет, Тепло, Жизнь!

Тамара Ивановна Ерофеева — учёный с мировым именем и, по счастливой случайности, мой Учитель. Я безмерно люблю и уважаю этого человека! Бесконечно люблю и уважаю! Как икону, берегу в своём сердце все те солнечные дары, которые я от неё получила. И знаю, что под этими словами готовы подписаться тысячи её учеников.

Тамара Ивановна Ерофеева — доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, заслуженный профессор Пермского университета.

Хочу влюбить детей в Некрасова

«Вы влюбили меня в Некрасова», — сказала моя выпускница через много лет после окончания школы. «Влюбили» звучит прекрасно. Значит, не зря трудились и я, и мои вузовские преподаватели. Но «в Некрасова»? Удивлена: у меня сложились непростые отношения с этим писателем, держу старую обиду на земляка. Виной всему далёкий 1990 год.

Я, третьекурсница, гордость филфака, иду на экзамен по русской литературе второй трети XIX века. Всё прочитано, лекции посещены, семинары и коллоквиумы зачтены — волноваться не о чем. Да и, как говорят в народе, сначала студент работает на зачётку, а потом она на него. Поводов для спокойствия предостаточно. Тяну билет и... холодею: «Не-е-ет! Только не это! Некрасов...» На факультете все знали, что профессор Николай Николаевич Пайков, добрейшей души человек, становился другим, когда дело касалось этого поэта.

Мой экзамен длился долго. Казалось, он не кончится никогда. Ответы других студентов уже принимал преподаватель-ассистент, а я всё беседовала с профессором Пайковым. Сейчас не вспомню, как точно звучал вопрос в билете. Но состояние своё и через 30 лет восстановить могу. Рассказала всё, что знала, уверенно ответила на дополнительные вопросы. Николай Николаевич не удовлетворился. У него сверкали глаза, он размахивал руками, будто летел над преподавательским столом. Он становился ещё выше, а я съёживалась и всё больше вдавливалась в стул. Он горячо произносил что-то про «оригинальный русский ум», «гуманиста в гражданско-христианских тонах», а я мечтала, чтобы поскорее «лекция» о Некрасове закончилась и меня выпустили из аудитории.

— Что же, давайте подводить итоги. Вы девушка с хорошим мыслительным аппаратом, думать можете, поэтому только «3».

Мои глаза наполнились слезами, я еле сдерживалась, чтобы не разрыдаться: — За что? — говорил мой осуждающе-вопрошающий взгляд.

В голове бились две мысли: «Теперь я не круглая отличница» и «Некрасов, я выдаю тебе чёрную метку!». На Николая Николаевича сердиться я не могла. Мы, студенты-филологи, любили его. С пониманием (и даже немного с юношеским снисхождением) относились к его страсти: Пайков уже в то время был известным некрасоведом и говорить о поэте мог бесконечно.

Меня поражало, как в такие минуты преображался Николай Николаевич. Он был высоким, худым, с длинными руками, носил очки с толстыми стёклами. Студенткой я не могла определить, сколько ему лет: человек без возраста. Но всё это не имело значения: на его лекции народ набивался в помещение, студенты

ловили каждое слово, каждый жест, наблюдали за шагами по аудитории, за выразительной мимикой и улыбались, когда смешно шевелились донкихотские усы. Николая Николаевича уважали: умел выстроить дистанцию со всеми, мог быть очень строгим, но никогда не повышал голоса — благородный рыцарь. А ещё у него была феноменальная память.

Рассказывали, что когда-то в молодости он мечтал быть журналистом, его манил Свердловск. Но остался в Ярославле, на родине матери, куда они приехали, когда отца, боевого лётчика, репрессировали. Жили более чем скромно. Хотел стать Николай и художником, но мама, страдавшая оттого, что её, жену врага народа, на работу брали неохотно, посоветовала выбрать серьёзную профессию: «Чем будущую семью кормить будешь?» Выбор пал на пединститут. Истфил с отличием, армия, женитьба, работа на кафедре литературы ЯГПИ, очная аспирантура в Герценовском университете, общежитие, подработка ночным сторожем.

Была у рыцаря красивая история с дамой сердца. Он, влюблённый, написал Наташе, которая собиралась замуж за другого, признание на 48 страницах. «И чем взял, не пойму, — вспоминала Наталья Николаевна. — Длинный, нескладный, очки на носу. Но была в нём такая притягательная сила, такой напор, что устоять было невозможно».

Мощь, внутреннее спокойствие и одержимость поисками материалов о поэте позже породили и труд «Феномен Некрасова», и традицию ежегодных филологических чтений «Некрасовское наследие юношеству». Николай Николаевич никак не мог поставить точку в исследованиях, углубляясь в перипетии судьбы великого земляка. Материалов хватило бы не на одну докторскую диссертацию, но не это интересовало Пайкова. Некрасов стал не просто научной темой, а смыслом жизни. Постигание истины — вот что было главным.

Николай Николаевич умел делать широкие жесты. Было у него в личном архиве двухтомное собрание произведений поэта, изданное в 1886 году. В дни празднования 110-летия со дня основания библиотека имени Некрасова получила бесценный подарок.

Любовь к отчизне, настоящая, сильная, глубокая, до самопожертвования, отличала Н. Н. Пайкова. Это чувство он переносил и на людей, оставаясь человечным, умеющим видеть и проживать радости жизни. Не случайно любимым стихотворением любимого поэта было такое:

*Не знаю, как созданы люди другие, —
Мне любви и дороги блага земные.
Я милую землю, я солнце люблю
Желаю, надеюсь, страстями киплю.
И жаден мой слух, и мой глаз любопытен,
И весь я в желаньях моих ненасытен.*

...А история с экзаменом имела продолжение. Огромные глаза готовой заплакать, но изо всех сил старающейся вести себя достойно умной третьекурсницы, которая «неудачно» для себя вытащила билет, вызвали сочувствие у преподавателя: «Приходите завтра, продолжим разговор. Поговорим о трагическом у Некрасова». Экзамен не превратился в диспут, как того, видимо, хотел Николай Николаевич. Но на следующий день тройка стала четвёркой, и красный цвет будущего диплома был спасён. Особая требовательность к студентам, которые могут мыслить, желание понять глубину возможностей собеседника — вот что это было тогда, в 1990 году.

Масштаб произошедшего я осознала только через много лет. А в ту пору была рада, что дрогнуло сердце преподавателя, который был гораздо моложе меня сегодняшней. Пайков переживал за всё, за что брался, отдавался делу без остатка. Планов было много. Сердце подвело: не выдержало всё поднимающейся высоты планки. Мало кто знал, что оно было больное. Последние 10 лет жизни Николай Николаевич жил с кардиостимулятором. Спросить не у кого (да теперь и не надо), почему Н. Н. Пайков оставил родной вуз и перешёл в другой. Но через две недели на новой работе случился сердечный приступ. Было Николаю Николаевичу 59 лет.

«Человек необластного масштаба», — в одном из воспоминаний об учёном дана точная характеристика. Он горел идеями, работал на износ, принимал свою избранность как должное. Он проникся некрасовским надрывом и не успокаивался — шёл к людям. Он пытался не просто давать знания — формировал личность студента. И среди них находил подобных себе. Когда я веду занятия, иногда с удивлением узнаю в своих словах фразы из лекций и семинаров Н. Н. Пайкова: его Слово стало частью меня. Его образ мышления стал частью меня. Хочу быть преданной делу, как мой Учитель. Хочу и дальше влюблять детей в Некрасова.

Послесловие

Пушкинский Дом включил имя Н. Н. Пайкова в словарь «Русские литературоведы XX века».

Николай Николаевич Пайков — ведущий некрасовед, кандидат филологических наук, до 2010 г. — заведующий кафедрой общей и прикладной филологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова.

Фотография, которой нет

«Как хорошо!», «Повезло!», «Мы очень рады!», «Строгая, но это и прекрасно!», «Замечательно!» — так думали наши родители, когда узнали, что первоклассников возьмёт Людмила Ивановна Сайковская.

Было это в далёком 1985 году. Возможно, это только кажется, что давно, а на самом деле... Одна вспышка фотоаппарата — и несколько фотографий в альбоме под названием «Жизнь».

1 сентября робко стоят первоклассники на ступеньках лучшей школы, а рядом с ними — их первая учительница. Лучшая! Именно это мгновение мог бы запечатлеть чей-то фотоаппарат, а в моей душе бережно хранится так и не сделанный снимок.

Особенно запомнился момент торжественной линейки, когда нам вручали портфели (у кого с паровозиком, у кого с мишкой на скамейке). А портфели-то непростые! В них тетрадки, альбомы, краски, кисточки, ручки, карандаши... Всё это великолепие Людмила Ивановна помогала водрузить на наши маленькие плечики. Делала она это как-то особенно деликатно, спокойно, с материнской заботой... Потом нас повели в класс. Какой он был уютный, светлый, красивый! Нас ждали! Учитель тщательно готовился к встрече с нами. Буквари, ровненько выстроившиеся на полке, красивые маленькие картиночки, аккуратненько разложенные на столе, весёлые матрёшечки в шкафу за стеклом, весёлые буквы на стене... А на доске каллиграфическим почерком написано: Первое сентября! Вижу это так ясно, словно рассматриваю фотографию.

Такого красивого почерка я не встречала ни у кого и никогда. А какой сказочно прекрасной была подпись у Людмилы Ивановны! Красавица-буква «Л», горделиво приподнимая «носик», позволяла заключить себя в объятия букве «С» — тоненькие, ровненькие, маленькие завитушки завершали это великолепие. Всегда любовалась этой подписью. Мой восторг был особенно полным, когда в клеточке дневника поселялась «5». Узнала бы эту подпись из тысячи других. Как будто я её сфотографировала и положила в альбом памяти.

Во всём аккуратная, дисциплинированная, ответственная, Людмила Ивановна стала для нас на четыре года главным человеком в школьной жизни: важнее директора, завуча, важнее всех. Она ничего не делала напоказ, никого не старалась удивлять и ничего никому не доказывала — работала на совесть, уделяя каждому из нас внимание. К сожалению, никакая фотография не сможет это передать, запечатлеть и рассказать.

Мне бесконечно повезло, потому что у меня была возможность общения с моим учителем не только в школе. Дом Людмилы Ивановны стал для меня священным местом. Всё там было красивее, мягче, вкуснее... Вкус гречневой каши (такой я уже нигде не пробовала) казался мне божественным, борщ — неповторимым, чай — ароматнейшим из ароматнейших... Палас в гостиной поражал меня какой-то мягкостью и необыкновенной шелковистостью. Строгая в школе, дома моя учительница была самой доброй и ласковой, как фея-крёстная из сказки.

Насколько дорога мне Людмила Ивановна, я смогла понять много позже. Наверное, именно сейчас особо остро это ощущаю. Пересматривая старые фотографии, с грустью думаю о том, что нет среди них ни одной фотографии с учителем... Не только у меня нет, но и ни у кого из нашего класса. Почему-то она не любила фотографироваться, стеснялась чего-то... И что же? Пустая страница в альбоме? Оборвалась ниточка?

Жизненные вихри проносятся неумолимо, смешивая лица, события, голоса... Словно кадры, мелькают дни, недели, месяцы, годы — и альбом постепенно заполняется цветными и чёрно-белыми, яркими и тусклыми, весёлыми и грустными фотографиями. Что-то забывается, теряется. Открыли страницу, посмотрели — вспомнили. Но есть особенные страницы-события, которые не забываются никогда. Такой значимой страницей для меня стала учёба в начальной школе, знакомство с Людмилой Ивановной — первым моим Учителем! И пусть нас разделяют тысячи километров, годы разлуки, я всё помню. Память сильнее расстояния и времени! Невидимые ниточки нас по-прежнему связывают. Я это чувствую!

А фотография? Жаль, что её нет. Но есть отпечаток в моём сердце, есть воспоминания о счастливых школьных годах, о гостеприимном доме, есть голос внутри, который иногда говорит с драгоценной моей Людмилой Ивановной.

Лети, мой голос любви, уважения и благодарности, через леса, горы и степи... Обязательно долети, дай силы и здоровья дорогому моему Учителю!

Людмила Ивановна Сайковская — учитель начальных классов Искровской средней школы (Тургайская область, Казахстан).

Скованные одной цепью

*Он создал нас, он воспитал наш пламень...
Заложен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена...
(А. С. Пушкин о своем учителе П. Куницыне)*

Звенит звонок на урок. Орава юных дикарей, испустив боевой клич, штурмует закрытую дверь. Тишина пустого кабинета оглушает. Мы не сразу замечаем, что не одни. За первой партой сидит какая-то девчонка лет 15–16 — короткая стрижка, узкие плечи, тонкие руки — и что-то увлечённо пишет. Мы, гремя портфелями, кидаемся к своим местам, а она, не торопясь, встаёт, собирает с парты тетрадки, идёт к учительскому столу. Потом поворачивается и, пристально глядя нам прямо в глаза, говорит: «Здравствуйте, ребята. Меня зовут Ирина Юрьевна Островская. Я ваш учитель русского языка и литературы...»

Семь лет мы были вместе. За это время наш обычный 4 «В» превратился в гуманитарный 11 «А» — элиту школы, надежду учителей и гордость родителей. Те, кто в теме, понимают, каким тернистым и извилистым был этот путь.

Кем мы были тогда?

...Тридцать пар детских глаз доверчиво, с благоговением и надеждой смотрят на учителя, ловят каждое его слово, подмечают каждый жест. Человек у классной доски служит им проводником в загадочный мир, выходящий за рамки обыденной жизни. Он — опытный толмач и искусный фокусник, смелый художник и осторожный врачеватель, суровый полководец и нежный родитель. Не спугнуть живой интерес, не погасить огонёк удивления и восхищения, сохранить чистоту помыслов, показать, каким прекрасным и огромным становится мир, когда смотришь на него широко открытыми глазами, — вот задача настоящего учителя.

Как скульптор в бесформенном куске шершавой глины видит тонкие черты величественной Мадонны или грубый облик мужественного Давида, так и она в разношёрстной массе детей видела блестящих учёных, адвокатов, историков, талантливых искусствоведов, музыкантов, учителей. Но главное, она видела в нас то, что позволит нам преодолеть земное притяжение, стряхнуть тесную биологическую оболочку, распахнуть душу перед богатством неосознанного, но чувствуемого мира.

Конечно, в классе всегда найдутся «маленькие старички». Такое впечатление, что они проживают уже девятую жизнь, ничем их не удивишь, можно даже не стараться. Более того, их декадентская позиция настолько маняща и

соблазнительна для остальных, что, если не предпринять срочных мер, вскоре весь класс превратится в отчаянных борцов с существующим порядком. И к таким возмутителям спокойствия у Ирины Юрьевны был свой подход.

Маленькая и хрупкая, она установила железную дисциплину. Взгляд её серьёзных серых глаз, цепкий и колючий, гипнотизировал, и обездвиживал, и лишал сопротивления. Острое слово метко поражало цель и выводило из строя и самых отъявленных разгильдяев, и наивных революционеров. На уроках русского и литературы в качестве постороннего шума допускался лишь благородный шелест страниц и упорный скрип трудящихся перьев.

Мы неслись с космической скоростью. Слабые роптали и сопротивлялись, прятались в скорлупки гнева и обиды, падали, не удержавшись на нашем ковре-самолёте. Твердость, непреклонность, бескомпромиссная требовательность Учителя встречали жесточайший отпор и до сих пор не у всех находят понимание. Однако сильные становились сильнее и вскоре могли не только хвататься за края потрёпанного ковра, но и разглядывать открывающиеся их взору картины.

Через три года Ирина Юрьевна авансом присвоила нам звание гуманитарного класса, но к тому времени мы уже были готовы не просто казаться, а по-настоящему быть.

Рыхлая масса песка и земли в её девичьих руках становилась податливой глиной, готовой к преобразению.

Кто указал ей цель? Почему она шла вперёд, не отступая ни на шаг, невзирая на препятствия: всегда твёрдая поступь, прямая спина, высоко поднятая голова?

Она ясно знала простую истину: путь к мечте не может быть лёгким. Это жестокая борьба, борьба прежде всего с самим собой: с ленью, невежеством, глупостью, с жалостью к себе. Наши неудачи она воспринимала как свои личные промахи. Бессонными ночами работала, чтобы исправить, улучшить, преодолеть. Для неё не было невозможного!

Звено за звеном вырастала крепкая цепь, связавшая учеников и Учителя.

Она окружила нас верными помощниками — книгами. Время и пространство потеряли чёткие границы, вышли из берегов. И мы ныряли в тёмную глубину истории, возносились в бескрайнее небо искусства, плыли по высоким волнам литературы и шагали по запутанным тропам русского языка.

Она дала нам в руки оружие, облекла в мощные доспехи, посадила на коня. И мы брали последние бастионы синтаксиса, осаждали неприступные крепости орфографии, терпеливо сидели в засаде над анализом текста и весело бежали в атаку на сочинения. А она всегда была впереди, в самой гуще сражений, вела и звала за собой, и вдохновляла, и показывала пример.

Наш незамысловатый мир соединялся с особым миром культуры и искусства, радостно распахнувшим перед нами двери. И мы творили свою Землю, создавали собственную симфонию.

Если меня спросят, как я могу одним-двумя словами охарактеризовать годы моей юности, отвечу, не задумываясь: УЧЁБА. Это тонны всевозможных книг на слабеющем столике, это литры синих, красных, чёрных, зелёных чернил, льющихся на клетчатое полотно тетрадей, это километры строчек, стремящихся друг за другом в неудержимом беге.

...Робкое пламя свечи тихо трепещет над шелестящими страницами. Верный карандаш выводит загадочные знаки. Затейливая вязь кириллицы покрывает лист за листом... Луна бледнеет и исчезает. В лужице горячего воска едва бьётся огонёк. Тают страницы книги. Вот и последняя. Остановись, мгновенье, ты прекрасно!..

Для меня не было иного пути, как стать учителем русского языка и литературы, и если не повторить образ настоящего учителя, явленный ею, то хотя бы приблизиться к нему. Когда я слышу, что в девяностые в педвузы поступали те, кто не сумел пробиться в другие, более престижные, это больно ранит и терзает моё сердце. Больше половины нашего класса стали учителями. Стали потому, что она показала, каким великим может быть этот непростой и жертвенный путь. Потому что она открыла нам источник гуманитарных знаний, который питает и наполняет нас до сих пор. Потому что научила любить родную речь, СЛОВО, показав, что слово — и есть мы, наша индивидуальность, наша сущность, наше Я.

Яркие, горячие искры огня, зажжённого нашим Учителем, не погасли. Мы бережно храним их в груди и несём своим ученикам и своим детям. И теперь наша задача — научить в хаотичном сочетании букв видеть стройное движение мысли, в оглушительной какофонии различать совершенную мелодию души.

Дорогая и любимая Ирина Юрьевна!

Я помню, как нежно Вы любили Пушкина, его лёгкий слог, гармонию и свет. С трепетом касались томака его прекрасных стихов, которые знали наизусть и с удовольствием читали.

Помню, как страстно Вы любили древнерусскую литературу, особенно выделяли «Слово о полку Игореве» за простоту и ясность, за неподдельные эмоции, за мастерство безымянного автора, положившего начало русской словесности.

К сожалению, я так и не научилась лаконично писать, как это делал, например, любимый Вами А. П. Чехов. Меня утешает только одно — любимый мной Ф. М. Достоевский тоже не отличался краткостью и не имел её среди множества своих неоспоримых талантов.

Спасибо Вам за то, что Вы были и есть в моей жизни, за Ваше мужество, силу, за веру в меня.

...Звенит последний звонок. Смущённо улыбаются повзрослевшие мальчики в строгих костюмах. Весело щебечут раскрасневшиеся девочки в нарядных платьях. А она, Ирина Юрьевна Островская, — маленькая, хрупкая, тонкая — читает «Слово о гуманитарном классе», и слова любви, не уместаясь в учительском сердце, тихо падают на дрожащую бумагу.

11 «А» покидает школу, вступая в жизнь. Мы, ученики и Учитель, больше не связаны одной целью. Когда-то встретившись в единой точке, расходятся-разбегаются пути-дорожки. Но невидимая цепь, сковавшая нас на короткие 7 лет, обрастает новыми звеньями и с годами становится только прочнее.

Ирина Юрьевна Островская — учитель русского языка и литературы школы № 323 Невского района г. Санкт-Петербурга.

Обитель знаний

Морозным днём 2019 года вместе с директором школы мы подъезжали к Свято-Алексиевской пустыни в селе Новоалексеевка Ярославской области. Это путешествие было организовано мамой ученика нашей школы, который уже полгода учился в гимназии Свято-Алексиевской пустыни в кадетском корпусе. Интересное место: в 500 метрах слева домик известного путешественника Фёдора Конюхова с огромными бело-рыжими собаками во дворе, справа — с десяток частных домов, в центре — несколько учебных корпусов и хозяйственных построек, небольшой храм.

Остались далеко позади крупные магазины, высотные дома, шумные дороги. Здесь тихо и даже пустынно. Но вскоре доносятся детские голоса: кадеты в одинаковой форме, с лыжами в руках вышли на урок физкультуры. Только мальчишки — обучение в гимназии ведётся отдельно для девочек и мальчиков.

Настоятель обители иеромонах Пётр (Василенко) встречает гостей на пороге дома. Этот пожилой человек изменил моё представление о том, каким должен быть учитель и какой должна быть школа. Несмотря на преклонные годы, болезни, отец Пётр провёл экскурсию по музеям обители, которых здесь более 30. Есть ли сфера науки, в которой отец Пётр некомпетентен? Кажется, что нет. Каждый экспонат в многочисленных музеях отец Пётр знает «в лицо»: историю появления в музее, историческую и культурную значимость этого предмета. Большая часть экспонатов куплена самим отцом Петром, привезена из его заграничных поездок, часть подарена друзьями и благотворителями. Большинство экспонатов бесценно. В библиотеке обители нам было разрешено подержать в руках и полистать редкие антикварные книги 15–16 веков, уникальные издания 18–19 веков. Все книги (а их свыше 500 тысяч экземпляров) находятся в свободном доступе и для учеников. А самое важное, подчеркнул наш экскурсовод, в том, что обязательным условием преподавания в гимназии является проведение музейных уроков. Услышав об этом, я не удивилась: что сложного в том, чтобы провести урок в музее? Но, познакомившись поближе с содержимым музеев обители, я поняла, какими энциклопедическими знаниями нужно обладать учителю, чтобы строить занятия с использованием настолько уникальных экспонатов.

Отец Пётр подробно и увлечённо рассказал про коллекцию бабочек (это вторая в Европе коллекция по числу экспонатов!); про коллекцию минералов, собранную учащимися в ежегодных летних археологических экспедициях совместно с преподавателями — учёными из МГУ имени М. В. Ломоносова; далее были коллекции денежных знаков, морских млекопитающих, интерьеры

дворянских усадеб различных годов, коллекции оружия, самоваров и прялок, посуды и многого другого.

Особенный восторг вызвала учебная лаборатория для изучения биологии: отец Пётр продемонстрировал более 15 современных электронных микроскопов для проведения опытов, несколько сотен атласов-определителей, часть из которых никогда не издавалась на русском языке. Дети учатся в этой лаборатории на профессиональном оборудовании под руководством учителей. Среди преподавательского состава гимназии несколько профессоров ведущих столичных вузов. Проекты, которые создают ребята, побеждают на естественно-научных конференциях при музее имени Дарвина в Москве. Каждый год выпускники гимназии получают 100 баллов на ЕГЭ и поступают в лучшие вузы страны.

А начинается 1 класс с обучения письму не ручкой, а пером. Чернильницы и перья — где увидишь в современной школе? В одном из кабинетов учебного корпуса мы увидели девочек, выполняющих домашнее задание. И ничего, что все руки в чернилах, зато почерк — просто чудо!

В гимназии нет компьютеров, всё обучение ведётся только с использованием ресурсов библиотеки и музеев. Нет в гимназии и доступа для детей к интернету, хотя и жалуются ребята, что так не хочется выделяться среди ровесников. Форму для учеников шьют девочки на уроках технологии, причём для всех воспитанников гимназии. Далеко выпускницам многих школ до этих девчонок. Обязательной для воспитанников является работа на хоздворе — это и уход за коровами, за лошадьми, летом — в огороде.

Теперь, вспоминая это место, понимаешь, как здорово, что есть в России такие гимназии. А сколько еще интересных школ и гимназий работает в самых разных уголках страны!

Иеромонах Пётр (Василенко) — настоятель Свято-Алексиевской пустыни.

Любимая. Неповторимая. Первая

Идут года. Вращается Земля.

Растят учеников учителя.

...

Бессмертно дело, непрерывна нить.

Ю. Ким

Почему я стала учителем? Сейчас мне кажется, что я родилась с этим предназначением... Конечно, это неправда. Справедливости ради надо сказать, что мой папа в молодости преподавал на курсах, мама была учителем, её брат, мой дядя, работал директором необыкновенной школы, поэтому педагогика в нашей семье была в приоритете, но своих близких я воспринимала только как родных людей, не более. А вот моя первая учительница на меня повлияла так сильно, что не оставила мне выбора: только педагогика, только школа.

Наша встреча 1 сентября 1960 года оказалась судьбоносной. Для меня. Пора назвать имя моей — самой лучшей — учительницы в мире: Валерия Михайловна. Она не сюсюкала с нами, не старалась завоевать нашу симпатию; была строга, но справедлива; а ещё, как я поняла значительно позже, просто любила нас и понимала каждого очень хорошо. Приведу немного странный пример. Однажды (наверное, в конце первого класса) нам раздавали проверенные тетради. Открываю тетрадь — и передо мной возникает огромная красная единица! Валерия Михайловна в этот момент оказывается «почему-то» рядом со мной и на мой недоуменный взгляд указывает на единственную ошибку в работе: после буквы «Щ» написана «Я». Никогда в жизни я больше не делала таких ошибок! Операция по их устранению была проведена успешно! Видимо, интуиция учителя подсказала действенный именно для меня способ исправления ошибки. На всю жизнь я запомнила единственный кол, полученный в школе.

В течение трёх лет я называла Валерию Михайловну по имени и отчеству, совершенно не задумываясь о фамилии. Да и кто в начальной школе знает фамилию своего учителя?

Трагедия случилась неожиданно: нашу школу закрыли, в четвёртом классе меня перевели в другую — «очень хорошую», по словам мамы, в неё перешла примерно половина нашего класса. А для меня этот последний год в начальной школе превратился в изошрённую пытку, в каторгу, потому что уроки у нас стала вести другая учительница, чуть ли не заслуженная, завуч начальной школы. Только тогда я поняла, что место Валерии Михайловны заняло чудовище. Будучи очень

дисциплинированным, исполнительным, послушным и непротестным ребёнком, я настолько возненавидела эту П. А., что постоянно старалась под предлогом болезни (симулируя болезнь) остаться дома — лишь бы не видеть её злобную ухмылку и не слышать противный скрипучий голос. Возможно, только я так негативно воспринимала этого человека. Мой детский разум не мог смириться с несправедливой подменой!

Шли годы, я окончила школу, отучилась в педагогическом институте, вернулась в школу (еще будучи студенткой, уже работала учителем). Я постоянно вспоминала многие приёмы и методы моей любимой Валерии Михайловны, старалась быть такой же естественной и строгой, вносить в свои отношения с учениками ту неповторимую атмосферу, которая сохранилась в моих воспоминаниях. Но меня постоянно терзала мысль, что я не могу найти этого человека, поскольку не знаю даже её фамилии. А так хотелось поделиться с ней своими мыслями, тревогами. Потребность встретиться с ней нарастала, несмотря на мой возраст.

И чудо свершилось! В 90-е годы школа переживала не такие уж тяжёлые времена, как об этом периоде любят сейчас писать. Во всяком случае, в нашей школе жизнь бурно кипела в поисках новых путей обучения. И на волне этого кипения двух человек от нашей школы делегировали на недельный семинар (с отрывом от уроков на целую неделю!), и я была в этой паре. Семинар проводила школа самоопределения № 734 под руководством А. Н. Тубельского.

Каково же было моё изумление, когда на открытом уроке русского языка (точнее, блоке уроков), на который я попала, учителем оказалась моя Валерия Михайловна! Она уже была к этому времени учителем русского языка и литературы. Узнала я мою дорогую учительницу не сразу. На первом уроке, не веря своим глазам, я с замиранием сердца ловила каждое её слово, следила за каждым жестом... Ну конечно, это ОНА! Сердце заколотилось, чуть ли не выпрыгивая из груди. Блистательные оригинальные идеи, потрясающая работа учеников, демонстрирующая длительную профессиональную подготовку класса, захватывающе интересные задания — вне всякого сомнения, это Валерия Михайловна!

На перемене после первого урока я подошла к ней. Могла ли она узнать во взрослой женщине ту тихую девочку, которая почти 30 лет назад была её ученицей? Это не имеет значения, потому что она меня обняла и приняла в свой личный круг. А я сразу стала той маленькой ученицей, которая стремилась всегда прижаться к своей любимой учительнице. После перемены, на втором уроке, я была вовлечена в работу класса, постигая незнакомые мне творческие задания, и спешила написать как можно лучше, прочитать вслух в классе свою работу, а главное — получить

одобрение от учителя! И получила! Такие эмоции я испытывала только 30 лет назад. Теперь я узнала фамилию Валерии Михайловны — Озерова.

В свою школу я вернулась окрылённой, с огромным багажом уникального опыта, который активно стала использовать в своей работе. Я получила еще один урок от своего Учителя. И новый импульс для творчества. Сейчас я себя ругаю за неуместную стеснительность, которая помешала мне сохранить контакт с Валерией Михайловной. Возможно, будь тогда в нашей жизни мобильная связь, я смогла бы поддерживать отношения. Но это были еще «домобильные» времена. Утешало сознание, что она живёт рядом со мной, в одном городе, в одном округе, что мы ещё можем увидеться. Эта вторая встреча с необыкновенным человеком была короче первой, но уже более осознанной и оценённой в полной мере.

Прошло ещё около 30 лет. Я уже не первый год на пенсии, появилось время для осмысления прожитого. Размышляя о сюрпризах и подарках судьбы, потянулась в интернет, набрав в поиске имя своей первой учительницы. Результат поиска оказался безжалостным. В январе 2021 года Валерии Михайловны Озеровой не стало. Горечь утраты, боль от сознания непоправимости произошедшего — плата за мою инертность. Слова некролога на школьном сайте дополняют портрет Человека: заслуженный учитель РФ, лауреат Премии Президента РФ в области образования, первый поэт школы, классный руководитель, завуч по воспитательной работе, начальник выездных лагерей, автор многих статей. На странице в социальной сети необыкновенно тёплые искренние слова памяти от учеников и родителей. Получается, что маленькая девочка в начале 60-х годов прошлого века безошибочно почувствовала всю огромность и значительность личности молодой учительницы, у которой впереди был начертан прекрасный путь созидания и воспитания нового поколения.

Вот только я не могу себе простить несостоявшуюся третью встречу.

Валерия Михайловна Озерова — в 1960-е годы учитель начальных классов школы № 349 г. Москвы.

Жизненная позиция

— А у вас есть АЖП? — с такими словами однажды вошла в аудиторию Людмила Тимофеевна Пантелеева, профессор, наш преподаватель литературы. — Не знаете, что это такое? Вот и я не знала, пока меня сейчас на кафедре не спросили. Даже растерялась. Оказалось, АЖП — активная жизненная позиция. А ещё один молодой преподаватель сообщил, что свою первую лекцию, как и зарубежные коллеги, начинает с рассказа о себе. Говорит, что это сближает и студентам интересно. Ну, вот и я тогда вам расскажу. Родилась в 1932 году в Чите, поступила в ЛГПИ имени Герцена...

И тут ручка почти выпала из моих рук. Как? В Чите? Я была уверена, что Людмила Тимофеевна родилась здесь, в Мурманске, и всегда тут жила. Помимо методики, древнерусской литературы и литературы XVIII века, она вела у нас краеведение. Столько знать о поморах, их традициях, фольклоре мог только тот, кто рос на Терском берегу. А ещё саамские сказки, стихи и проза местных писателей — всё находило своё место в многочисленных статьях и книгах.

Вот тебе и АЖП... Да. Удивлять Людмила Тимофеевна умела.

Её лекции, рассказы, открыв рот, слушали все: и первоклашки, и академики. Невозможно было не влюбиться в эту женщину. Всегда элегантно одетая, с неизменной камеей. И обязательно в туфлях. Когда Людмила Тимофеевна серьёзно повредила ногу, то сказала так: «Выйду к студентам только тогда, когда смогу стоять на каблуках». И вышла. Да еще и канкан для студенческого спектакля с нами вместе репетировала, показывая, как именно Хлестакову нужно порхать меж дамами. Театр на факультете тоже был инициативой Людмилы Тимофеевны.

А как было интересно на лекциях! Древнерусские тексты в исполнении Людмилы Тимофеевны переносили туда, в далекое Средневековье, и вот ты уже слышишь, как «комони ржут за Сулою — звенить слава въ Кыеве». Если же речь шла о поморской деревне, то уже вот, пожалуйста, ты в избе бабки-задворенки, где звенят весёлые частушки собравшейся молодежи.

О чём бы ни шла речь: о сатирах Кантемира, философии Тургенева или о последней постановке «Таганки» — всегда это было живо, интересно, глубоко и удивительно. Людмила Тимофеевна разбиралась и в современной классической музыке, и в театре, и в кинематографе, и в живописи. «Урок — это синтез искусств» — вот основной закон. Картины, отрывки из музыкальных произведений, театральные постановки... Если этого не будет в твоём конспекте, то зачёта не жди. Теперь понимаю, как она была права. Настоящего читателя можно

воспитать только так. «Мам, а откуда ты это-то знаешь?» — спрашивает меня иногда дочь. Откуда. От своего Учителя.

К Людмиле Тимофеевне можно были прийти со всем: получить не только профессиональный, но и житейский совет, поделиться печалью. Однажды с подругой мы пришли со своими детьми, и она искренне порадовалась нашему материнству.

Одна моя коллега, учитель начальных классов, близкая знакомая Людмилы Тимофеевны, однажды обронила: «Хоть какой урок тебе построит. Хоть по литературе, хоть по природоведению!» А я тут же вспомнила пантелеевское: «Дидак-ти-ка!»

Будучи на практике, да и потом, работая в школе, я видела, как волнуются мои наставники, зная, что сегодня придет на уроки Людмила Тимофеевна: они были её учениками. Она всех знала по девичьим фамилиям, спрашивала про семьи, про жизнь. Неугасаемый интерес к миру, любовь к ученикам, жажда бесконечного познания и ежеминутная потребность в отдаче себя делу, людям — вот то, что удивляло и вдохновляло в этой тогда уже пожилой женщине. Когда на уроке студента-практиканта завязывался спор, то она могла сама в него вступить наравне с учениками, а потом и посмеяться, если было смешно, или же не сдержаться слёз в трогательном моменте. И в этом была великая наука воспитания души: учитель — это человек, не нужно бояться показать свои эмоции. Если в произведении автор хочет смеха — смейся, если писатель тронул твоё сердце и оно наполнилось печалью, то не запрещай себе плакать.

Исполненная достоинства, но без самодовольства, требовательная к другим, но больше — к себе, Людмила Тимофеевна не допускала никакого снобизма или пренебрежения: «Даже в неудачном уроке есть зерно. Ходите друг к другу на уроки, учитесь!» Многие поначалу считали её жёсткой, непримиримой, иногда неосторожной в оценках, но потом... понимали, влюблялись, поражаясь точности её определений, отсутствию пустой риторики, удивляясь страстности, постоянной жизни «на ноже».

На фотографии в «Педагогической энциклопедии Мурманской области» Людмила Тимофеевна именно такая, какой я её запомнила: за кафедрой, что-то увлечённо говорит. Никакого позёрства и фальши. Ниже — перечисление регалий, работ, книг. Как можно всё это вместить в одну жизнь? А ещё она была одним из организаторов празднования Дней славянской письменности и культуры на Мурмане и в России, стояла у истоков литературного краеведения.

Тяжело писать глаголы в прошедшем времени, понимая, что не к кому уже прийти, заглянуть на лекцию, увидеть знакомую складку меж бровей. Но каждый раз, когда я иду на урок, чувствую, что мой Учитель со мной. Я помню, я передам

другим то, что Вы в меня вложили, продолжу этот путь. Потому что Вы меня так учили, такова Ваша — и теперь моя — жизненная позиция.

Людмила Тимофеевна Пантелева — филолог, педагог высшей школы, кандидат педагогических наук, профессор Мурманского государственного педагогического института, член-корреспондент АПСН РФ.

Категория одушевлённости

Со взъерошенным от волнения букетом садовых васильков стою в назначенном месте. Сейчас, ещё минута... Она никогда не опаздывает.

Наконец мягкий шорох шин: элегантное авто степенно останавливается у края тротуара. Открывается дверца водителя, и миру являются изящные ножки в замшевых ботильонах с искусной вышивкой. Заворожённо смотрю на это великолепие... Мелькает модная шляпка, а сумочку разглядеть не успеваю — меня подхватывает энергетическое торнадо: объятия, возгласы на польском и русском языках, приветственные (в мой адрес) и сердитые — в адрес непутёвого навигатора, который неизвестно почему сегодня «не в духе» и завёз не пойми куда, едва не опоздала!.. Сердце моё замирает от радости долгожданной встречи и от почти забытого студенческого страха: сейчас начнётся экзамен, и мой профессор — Алла Алексеевна Камалова — уже здесь.

Она убеждена, что дух есть у всего: у навигатора, с которым можно вести вполне осмысленные диалоги, и у мухи, назойливо жужжащей над чутким профессорским ухом. Бывали случаи, когда дипломатические переговоры с мухами убеждали последних немедленно покинуть помещение и отправиться «дышать свежим воздухом», пока профессор занимается важными научными делами. Возвращались ли те мухи с прогулки, доподлинно неизвестно, но дверь в профессорский дом открыта для них всегда. Для них и для всех — больших и маленьких, жужжащих и лающих, чирикающих и мяукающих... Даже мычащие нечто невразумительное аспиранты в этом доме считаются людьми и принимаются по всем правилам этикета.

Не иначе как по имени и отчеству величается профессорский автомобиль, потому что и у него (точнее, у неё, так как речь идет о даме благородного происхождения) есть душа и несколько вздорный характер, требующий особой обходительности. В благодарность за доброе отношение машина не подводит: на ней Алла Алексеевна лихо разъезжает по европейским дорогам, так как давно уже живёт в Польше.

Умение профессора находить общий язык со всеми существами и сущностями поражает: её беспрекословно слушаются чужие дворовые собаки и капризные дети, чахлая травка в её присутствии начинает буйно цвести и плодоносить, а бедолаги-аспиранты, выбравшие тернистый путь науки и сами себе кажущиеся полнейшими бездарями, под её недремлющим оком вдруг рождают годные статьи и приличные диссертации.

Одной из таких бедолаг-аспирантов когда-то посчастливилось стать и мне... До сих пор не могу поверить, что и я в числе других избранных была принята в профессорском доме, участвовала в легендарных чаепитиях с вкуснейшими капустными пирогами, собственноручно испечёнными Аллой Алексеевной — прекрасным кулинаром и образцовой хозяйкой. В её доме гость чувствует себя так, словно важнее и дороже него нет никого на свете, и это ощущение собственной значимости и вкус чая, заваренного с тонким пониманием его чайной души, навсегда останутся в памяти.

Ярок тот день, когда я впервые встретила с Аллой Алексеевной Камаловой.

В далёком 1995 году в скромном лекционном зале провинциального вуза собрались послушницы и послушники, избравшие стезю служения Филологии. С благоговейным трепетом внимали мы речам университетских корифеев, важно вещавших о том, какую интересную профессию мы выбрали и как сложно нам будет учиться. И вдруг по сцене пронёсся вихрь! Тогда еще я не знала, что это и есть та самая аура — незримое, но осязаемое облако, сопровождающее особенных, выдающихся людей.

Она внеслась на сцену так, словно только что стартовала в спринте на короткую дистанцию. Говорит, слегка подавшись вперед, жестикулируя, ни на минуту не прекращая двигаться. Тщательно продуманный образ воплощает изысканную простоту: аккуратная стрижка, со вкусом подобранные неброские украшения, стильные брюки... Оказывается, не все профессора выглядят как серые мыши в синих чулках! Голос мягкий и сильный, без надрывных учительских модуляций. Не помню, о чем была её речь, помню только, что слегка заскучавшая было публика оживилась, восторгалась, даже раздался робкий смех — верный признак симпатии, принятия и зарождающейся любви. Тогда я еще не знала, что в магнетической ауре этого человека мне предстоит учиться и жить... Так впервые я встретила с Аллой Алексеевной Камаловой, ставшей моим научным наставником, духовным воспитателем и другом.

Чем, как она покоряет душу каждого, кто встречается на её пути? Тем, должно быть, что в любом существе она способна разглядеть живое сердце и протянуть к этому сердцу прочную нить доброго участия, уважения, признания. И всякая, даже самая маленькая и незаметная душа радостно расцветает, раскрывается, орошаемая живительной силой её Большой Души. Алла Алексеевна Камалова, доктор наук и адепт всех религий, наделена божественным даром — одушевлять всё вокруг.

От её прикосновения просыпается Дух Текста: бережно разбудив его, она проникает в самую суть, постигая высшие смыслы. Работая над текстом, она забывает о времени и переносится в иное измерение, где научные филологические вопросы так тесно переплетаются с вечными вопросами бытия, что исследователь

Текста становится исследователем Жизни в ее непознаваемой сложности и кристальной ясности. Именно это она передаёт своим «научным детям»: постигая Дух Текста, учиться открывать через него подлинную красоту человека и мира.

Каждый раз, встречаясь со своим Учителем, я будто возвращаюсь в юность. Я снова ученица и должна ответить на все вопросы — о жизни, о работе, о семье, о мыслях, о планах, о книгах, о здоровье (отдельно отчитавшись о здоровье кота)... Разумеется, ответить нужно правильно, а значит, к экзамену надо хорошо готовиться, то есть жить так, чтобы Алла Алексеевна была довольна моими ответами.

...Взъерошенный букет садовых васильков на глазах обретает благообразный вид: листья распрямляются, лепестки начинают сиять. Едва зайдя в дом, с бесконечными сумками, уставшая после долгой дороги, она первым делом ставит цветы в вазу, чтобы их цветочной душе стало хорошо.

Алла Алексеевна Камалова — доктор филологических наук, профессор Балтийского федерального университета имени И. Канта, почётный профессор Института восточнославянской филологии Варминско-Мазурского университета в Ольштыне (Польша), Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Часть 2

Эссеистические этюды

На курсе «Сильное сочинение» мы не только писали эссе, но и оттачивали мастерство создания текстов экзаменационных форматов. Чтобы сделать более привлекательным и творчески азартным рутинное упражнение, было решено провести конкурс сочинений. В качестве стимула для эссеистического осмысления был выбран весёлый и глубокий рассказ Виктора Голявкина о нерадивом ученике и терпеливом и мудром учителе. Перед вами – исходный текст и сочинения – победители конкурса.

ИСХОДНЫЙ ТЕКСТ

Я жду вас всегда с интересом

Такого педагога я не встречал за всё время своей учёбы. А учился я много. Ну, во-первых, я в некоторых классах не по одному году сидел. И когда в художественный институт поступил, на первом курсе задержался. Не говоря уже о том, что поступал я в институт пять лет подряд.

Но никто не отнёсся ко мне с таким спокойствием, с такой любовью и нежностью, никто не верил так в мои силы, как этот запомнившийся мне на всю жизнь профессор анатомии. Другие педагоги ставили мне двойки, даже не задумываясь над этим. Точно так же не задумываясь, они ставили единицы, а один педагог поставил мне ноль. Когда я спросил его, что это значит, он ответил: «Это значит, что вы — НОЛЬ! Вы ни черта не знаете, а это равносильно тому, что вы сами ни черта не значите, вы не согласны со мной?» «Послушайте, — сказал я тогда, — какое вы имеете право ставить мне ноль? Такой отметки, насколько мне известно, не существует!» Он улыбнулся мне прямо в лицо и сказал: «Ради исключения, приятель, ради исключения, я делаю для вас исключение!» Он сказал таким тоном, как будто это было приятное исключение. Этим случаем я хочу показать, насколько все педагоги не скупилась ставить мне низкие оценки.

Но этот! Нет, это был исключительный педагог!

Когда я пришел к нему сдавать анатомию, он сразу, даже не дождавшись от меня ни слова, сказал, мягко обняв меня за плечо:

— Ни черта вы не знаете...

Я был восхищен его пронизательностью, а он, по всему видно, был восхищен моим откровенным видом ничего не знающего ученика.

— Приходите в другой раз, — сказал он.

Но он не поставил мне никакой двойки, никакой единицы, ничего такого он мне не поставил! Когда я спросил его, как он догадался, что я ничего не знаю, он в ответ стал смеяться, и я тоже, глядя на него, стал хохотать. И вот так мы покатывались со смеху, пока он, все еще продолжая смеяться, не махнул рукой в изнеможении:

— Фу... бросьте, мой милый... я умоляю, бросьте... ой, этак вы можете уморить своего старого седого профессора...

Я ушел от него в самом прекрасном настроении.

Во второй раз я, точно так же ничего не зная, явился к нему.

— Сколько у человека зубов? — спросил он.

Вопрос ошарашил меня: я никогда не задумывался над этим, никогда в жизни не приходила мне в голову мысль пересчитать свои зубы.

— Сто! — сказал я наугад.

— Чего? — спросил он.

— Сто зубов! — сказал я, чувствуя, что цифра неточная.

Он улыбался. Это была дружеская улыбка. Я тоже в ответ улыбнулся так же дружески и сказал:

— А сколько, по-вашему, меньше или больше?

Он уже вздрагивал от смеха, но сдерживался. Он встал, подошел ко мне, обнял меня, как отец, который встретил своего сына после долгой разлуки.

— Я редко встречал такого человека, как вы, — сказал он, — вы доставляете мне истинное удовольствие, минуты радости, веселья... но несмотря на это...

— Почему? — спросил я.

— Никто, никто, — сказал он, — никогда не говорил мне такой откровенной чепухи и нелепости за прожитую жизнь. Никто не был так безгранично невежествен и несведущ в моем предмете. Это восхитительно! — Он потряс мне руку и, с восхищением глядя мне в глаза, сказал: — Идите! Приходите! Я жду вас всегда с интересом!

— Спросите ещё что-нибудь, — сказал я обиженно.

— Ещё спросить? — удивился он.

— Только кроме зубов.

— А как же зубы?

— Никак, — сказал я. Мне неприятен был этот вопрос.

— В таком случае посчитайте их, — сказал он, приглатываясь смеяться.

— Сейчас посчитать?

— Пожалуйста, — сказал он, — я вам не буду мешать.

— Спросите что-нибудь другое, — сказал я.

— Ну хорошо, — сказал он, — хорошо. Сколько в черепе костей?

— В черепе? — переспросил я. Всё-таки я ещё надеялся проскочить.

Он кивнул головой. Как мне показалось, он опять приготовился смеяться.

Я сразу сказал:

— Две!

— Какие?

— Лоб и нижняя челюсть.

Я подождал, когда он кончит хохотать, и сказал:

— Верхняя челюсть тоже имеется.

— Неужели? — сказал он.

— Так в чем же дело?! — сказал я.

— Дело в том, что там есть еще кости кроме этих.

— Ну, остальные не так значительны, как эти, — сказал я.

— Ах, вот как! — сказал он весело. — По-вашему, значит, самая значительная — нижняя челюсть?

— Ну, не самая... — сказал я, — но тем не менее это одна из значительнейших костей в человеческом лице...

— Ну, предположим, — сказал он весело, потирая руки, — ну, а другие кости?

— Другие я забыл, — сказал я.

— И вспомнить не можете?

— Я болен, — сказал я.

— Что же вы сразу не сказали, дорогой мой!

Я думал, он мне сейчас же тройку поставит, раз я болен. И как это я сразу не догадался! Сказал бы — голова болит, трещит, разламывается, разрывается на части, раскалывается вся как есть...

А он этак весело-весело говорит:

— Вы костей не знаете.

— Ну и пусть! — говорю. Не любил я этот предмет!

— Мой милый, — сказал он, — моё восхищение вами перешло всякие границы. Я в восторге! До свидания! Жду вас!

Он с чувством пожал мне руку. Но он не поставил мне никакой двойки, никакой единицы!

— До свидания! — сказал я.

Я помахал ему на прощание рукой, а уже возле дверей поднял кверху обе руки в крепком пожатии и помахал. Он был всё-таки очень симпатичный человек, что там ни говорите. Конечно, если бы он мне тройку поставил, он бы ещё больше симпатичный был. Но всё равно он мне нравился. Я даже подумал: уж не выучить ли мне в конце концов эту анатомию, а потом решил пока этого не делать. Я всё-таки ещё надеялся проскочить!

Когда я к нему в третий раз явился, он меня как старого друга встретил, за руку поздоровался, по плечу похлопал и спросил, из чего глаз состоит.

Я ему ответил, что глаз состоит из зрачка, а он сказал, что это еще не всё.

— Из ресниц! — сказал я.

— И всё?

Я стал думать. Раз он так спрашивает, значит, не всё. Но что? Что там ещё есть в глазу? Если бы я хоть разок прочёл про глаз! Я понимал, конечно, что бесполезно что-нибудь рассказывать, раз не знаешь. Но я шёл напролом. Я хотел проскочить. И сказал:

— Глаз состоит из многих деталей.

— Да ну вас! — сказал он. — Ведь вы же талантливый человек!

Я думал — он разозлится. Думал — вот сейчас-то он мне и поставит двойку. Но он улыбался! И весь он был какой-то сияющий, лучистый, радостный. И я улыбнулся в ответ — такой симпатичный старик!

— Это вы серьёзно, — спросил я, — считаете меня талантливым?

— Вполне.

— Может быть, вы мне тогда поставите тройку? — сказал я. — Раз я талантлив?

— Поставить вам тройку? — сказал он. — Такому способному человеку? Да вы с ума сошли? Да вы смеетесь! Пять с плюсом вам надо! Пять с плюсом!

— Не нужно мне пять, — сказал я. — Мне не нужно! — Какая-то надежда вдруг шевельнулась, что всё-таки он может мне эту тройку поставить.

— Вам нужно пять, — сказал он. — Только пять.

— По-вашему, выходит, вы лучше знаете, что мне нужно?

— Но вы не отчаивайтесь! Главное — не отчаивайтесь! Веселей глядите вперёд, и главное — не отчаивайтесь!

— Буду отчаиваться! — крикнул я.

— Не смейте отчаиваться, — сказал он весело, глядя мне в глаза, пожимая мне дружески руку. — Вам нужно приходиться! Ещё! Все время приходиться!

— Зачем?

— Учиться!

— Я неспособный! — крикнул я. Он смотрел на меня и улыбался.

— Жду вас! — сказал он. — Всегда! С интересом! — И он поднял обе руки в крепком пожатии высоко над головой, как это делал я совсем недавно.

(Виктор Голявкин*)

* **Виктор Владимирович Голявкин** (1929–2001) – русский советский писатель, художник, график.

Мы смеёмся не над вами, а вместе с вами

Нередко в процессе воспитания или обучения мы сталкиваемся со сложными, порой даже безнадежными ситуациями, не можем наладить контакт и найти общий язык с детьми. Что помогает учителям и наставникам воодушевлять своих подопечных, вселять в них уверенность в своих силах, находить выход из сложных ситуаций? Известный автор детских рассказов Виктор Голявкин предлагает нам весьма оригинальное решение.

Студент беспробудно глуп и ленив, учёба не давалась ему с ранних лет, он часто оставался на второй год, пять лет поступал в институт, педагоги всегда ставили ему самые плохие оценки, находя его совершенно неспособным, «полным нулём». Ситуация явно гипертрофирована, нам сложно поверить, что такой студент мог существовать в действительности, ведь он не знает даже самых простых истин, известных каждому школьнику!

Но студент у Голявкина должен был дожить до судьбоносной встречи с профессором анатомии! Тот сразу понял, что молодой человек ничего не знает, но реакция его была неожиданной. Он как будто был восхищён его откровенным невежеством и всячески демонстрировал свой восторг, объясняя это тем, что никто ему не говорил «такой откровенной чепухи и нелепости», «никто не был так безгранично невежественен». Встречи с нерадивым студентом он всегда ждал с искренней радостью и интересом. Какая парадоксальная ситуация! Где ещё мы можем встретить педагога, который веселится при встрече с невежественным учеником, увлечённо болтает с ним, называет талантливым и заявляет, что тот достоин только отличных оценок?! В этой истории мы видим двух открытых людей, не умеющих лукавить, не исключено, что именно это качество стало определяющим для их взаимоотношений.

Автор использует одно из самых сильных художественных средств — гиперболу. Доводя ситуацию до абсурда, противопоставляя нестандартную реакцию профессора ошеломляющей, обескураживающей, но такой искренней и бесхитростной глупости студента, Голявкин намекает нам на магическую силу добродушия и иронического отношения к жизни.

Позиция автора, на мой взгляд, заключена и в названии рассказа, и в первых строках: «Никто не отнёсся ко мне с таким спокойствием, с такой любовью и нежностью, никто не верил в мои силы». Только абсолютное принятие, любовь, нежность, вера и — самое главное (то, что не заявлено буквально, но пронизывает весь рассказ и всё творчество Голявкина) — духоподъёмная ирония помогут

в ситуациях, где остальные средства бессильны. Неожиданная реакция педагога вызвала спасительный шок: *впервые* студент задумался о том, что можно было бы выучить эту треклятую анатомию...

Рассказ оставляет тёплые ощущения в душе. Я чувствую, что симпатии автора на стороне этого чудаковатого профессора, и разделяю его точку зрения. Вспоминается замечательный фильм «Общество мёртвых поэтов» с Робинот Уильямсом в главной роли. Действие фильма происходит в американской элитной школе для мальчиков в 50-е годы. Джон Китинг, учитель английской словесности, отличался от чопорных занудных педагогов лёгкостью общения, пренебрежением к правилам, юмором и эксцентричностью. Первый же урок он завершил словами: «Ловите мгновение, мальчики! Пусть ваша жизнь будет необыкновенной!» Он удивлял всех — и взрослых, и детей — неожиданными выходками и высказываниями, он не только пробудил любовь к литературе у своих учеников, но и помог им лучше понять себя и свои стремления. «Когда вы читаете, не думайте только о том, что хотел сказать автор, думайте, что хотели бы сказать ВЫ. Думайте, как обрести собственный голос... Дерзайте и обретайте собственное видение». «В тот момент, когда вы думаете, что что-то знаете, необходимо взглянуть на это по-другому, даже если это покажется вам глупым или нелепым».

Один эпизод особенно напоминает рассказ Голявкина. Китинг задал ученикам написать стихотворение, и один из мальчиков вышел и, ухмыляясь, прочитал: «Кошка села на окошко». Это было всё творение. Класс засмеялся, учитель тоже улыбнулся: «Поздравляю, вы сочинили первое стихотворение, которое по шкале Притчарда имеет отрицательную величину. Мы смеёмся не над вами, а вместе с вами. Поэзия может рождаться из всего, главное — чтобы ваши стихи не были банальными». Китинг учил своих учеников доверять собственной уникальности, даже если остальным это кажется глупым или нелепым, и он преуспел в этом, хотя у фильма и трагический конец...

Конечно же, Голявкин описал невозможную ситуацию, но педагогов, образом мышления и характером похожих на упомянутого профессора, мы можем встретить в реальности! Как правило, это неординарные, яркие личности, к которым тянутся ученики и которые обладают даром раскрывать таланты, зажигать искры в душах и делать жизнь вокруг себя необыкновенной.

Учитель — это диагноз

«Учитель — это диагноз», — наверное, вы слышали эту фразу не однажды. В современном мире чаще всего она звучит в ироничном ключе: закомплексованные люди, не сумевшие реализовать себя в жизни, только и могут что командовать детьми. Но это едкое изречение можно наполнить и другим, прямо противоположным смыслом. Конечно, диагноз: свою жизнь (и всей семьи тоже) учителям приходится подчинять бесконечным и никогда не заканчивающимся проектам, разборам конфликтных ситуаций между ребятами, не знать выходных и праздников — в общем, существовать с учётом «болезни». «Ну уж нет! — воскликнет кто-то. — А как же свои интересы? Это не жизнь! Это диагноз!» Так каким должен быть педагог? Над этим вопросом предлагает задуматься В. Голявкин.

Повзрослевший рассказчик вспоминает институтские годы: иронично замечает, что «учился много»: до этого оставался по несколько лет в одном классе в школе, пять раз поступал в вуз. Читатель знакомится со своеобразной классификацией педагогов. Одни «ставили двойки, даже не задумываясь над этим», другие с тем же равнодушием — единицы. Высшую власть над не знающим предмет студентом показал преподаватель, который оценил ученика нулём. Становится не по себе не от балла («такой отметки не существует»), а от подачи оценки — с довольной улыбкой произнесены слова, которые могут искалечить человека на всю оставшуюся жизнь: «Вы ни черта не знаете, а это равносильно тому, что вы сами ни черта не значите!» Равнодушие, высокомерие, пренебрежение к другому — черты человека холодного, эгоистичного. Таким педагог быть не должен.

Автор использует антитезу, чтобы показать другого преподавателя, «исключительного». Читатель погружается в несколько страниц юмористических диалогов незадачливого студента художественного института и профессора анатомии. Во время первой встречи «симпатичный старик» неожиданно на произносимые первокурсником глупости «стал смеяться», восхищённый «откровенным видом ничего не знающего ученика», помахал обеими руками в крепком рукопожатии второй раз и «как старого друга встретил» в третий. Не случайно автор одну и ту же фразу даёт произнести разным преподавателям: «ни черта вы не знаете» прозвучало из уст «сияющего, лучистого» профессора совсем иначе, чем у того, который назвал человека нулём. Доброжелательность, развитое чувство юмора, уважение к собеседнику — качества, достойные педагога.

Противопоставляя поведение преподавателей, автор показывает разные способы взаимодействия с учениками: поверхностное, одинаково бесчувственное отношение к студентам и дружеское расположение, личностный, индивидуальный подход, интерес к ним.

Думаю, В. Голявкин считает, что педагогу нужно верить в своих учеников, показывать образец спокойного и доброго отношения к людям — быть прежде всего Человеком.

Я согласна с автором: учитель — это больше чем профессия. Он — мудрый наставник, который хочет и может помогать детям (и взрослым). Важно уметь, без агрессии, давления, настраиваясь на внутренний мир собеседника, тонко, мягко, аккуратно подвести его к правильным жизненным выводам. Это возможно, если действовать естественно, нелицемерно, искренне, любя работу. Конечно, получился идеальный образец, к которому стоит стремиться, когда профессия — «диагноз». Наши ученики в своих «егэшных» сочинениях об учителях часто приводят в пример Лидию Михайловну из рассказа В. Г. Распутина «Уроки французского». Мне тоже вспомнилась именно она, когда я читала текст В. Голявкина.

Внимательная молоденькая учительница разглядела, как нелегко живётся вдали от дома и семьи талантливому, но полуголодному «дикуватому» мальчишке. Испробовав все открытые способы помочь ему, она решилась, по словам директора школы, на «преступление» — отважилась играть с учеником в «пристенок» на деньги. Иначе принимать помощь для ребёнка было унижительно. Через много лет герой с теплом вспоминает Лидию Михайловну и её «уроки доброты». Преподаватель своими поступками научил ребёнка важному: умению сострадать другому, поддержать в трудной ситуации.

Помните о самоиронии повзрослевшего героя В. Голявкина? Она признак ума человека. Три раза неудачно сдавал экзамен по анатомии рассказчик. Но, как в русской народной сказке, где «намёк — добрым молодцам урок», поумнел герой, а значит, внял наставлениям «исключительного педагога»: хранить веру в человека, учиться всю жизнь, «всегда», как написано в заглавии. А такую науку можно получить лишь от педагога с «диагнозом» «неизлечимой болезни» — настоящий учитель.

Чудики

Есть люди, которые кажутся окружающим странными, их воспринимают как людей не от мира сего, потому что они наивны, добродушны и постоянно попадают в какие-то нелепые ситуации. В литературе, благодаря рассказам В. М. Шукшина, таких героев ласково называют «чудиками»: не «чудаками», а именно «чудиками». Как следует относиться к таким «чудикам»? Над этим вопросом размышляет В. Голявкин.

Рассуждая о проблеме, автор рассказывает о студенте, который пытался сдать экзамен профессору анатомии. Этот молодой человек «учился... много»: «поступал... в институт пять лет подряд». Здесь чувствуется ирония автора над таким «усердием» героя, ведь поступал он в художественный институт (где ему, судя по всему, уже на первом курсе пришлось «задержаться» из-за неуспеваемости), а экзамен он сдавал уже в медицинском институте. Остаётся догадываться, в какие ещё высшие учебные заведения он поступал за эти пять лет. Сам герой полностью уверен в том, что приходит в вуз учиться. Кажется, он даже не осознаёт, что учёба в таком серьёзном институте требует ответственного отношения, так как от действий врача (думаю, именно эту профессию решил освоить главный герой) иногда зависит жизнь человека. На вопросы профессора он отвечал, что у человека сто зубов, а глаз состоит из ресниц. В. Голявкин показывает комичность этой ситуации (хотя, наверное, это смех сквозь слезы), потому что так могут отвечать маленькие дети, но не студент медицинского института. Мы понимаем, что перед нами настоящий «чудик», который искренне верил в свои возможности (он трижды приходил на пересдачу, даже не пытаясь подготовиться к экзамену и надеясь «проскочить»), искренне обижался на преподавателя, который прямо сказал, что главный герой — полный «ноль», искренне верил в добродушие профессора, не замечая ироничного отношения к себе.

Профессор анатомии, человек с богатым опытом преподавания, сразу разглядел в герое «чудика» и понял, что добиваться знаний от такого ученика бесполезно (возможно, это был не первый такой ученик в его практике). Он, впервые увидев студента, по-отечески обнял его за плечо и сказал, что тот «ни черта» не знает, таким образом дав понять, что вряд ли стоит продолжать обучение, но герой этого не понял, напротив, он был «восхищён его проницательностью». На экзамене профессор открыто посмеивался, смеялся и хохотал над главным героем, потому что никогда еще не слышал «такой откровенной чепухи и нелепости» за всё время преподавания. Студент же верил в великодушное отношение «исключительного педагога». Автор подчёркивает, что профессор по-доброму

смеётся над главным героем: он действительно впервые видит студента, который так «безгранично невежествен и несведущ» в анатомии, но с таким упорством приходит на пересдачу. Педагог с «восхищением» говорит: «Я жду вас всегда с интересом!», а студент принимает его слова за чистую монету. Профессор (а вместе с ним и автор) беззлобно и дружелюбно смеётся над странностями главного героя.

Раскрывая особенности характеров студента и профессора, автор использует приём повторения. Оба героя как будто копируют слова и поступки друг друга. Молодой человек утверждает: «Такого педагога я не встречал за всё время своей учебы!», и профессор заявляет: «Я редко встречал такого человека, как вы». Оба героя восхищены: студент — «любовью и нежностью» преподавателя, а профессор — «откровенным видом ничего не знающего ученика». Когда смеётся педагог, в ответ начинает смеяться и главный герой, и на «дружескую улыбку» профессора студент улыбается «так же дружески». Однажды главный герой на прощание «поднял кверху обе руки в крепком пожатии и помахал», и профессор чуть позже использовал такой же жест при прощании. В. Голявкин использует такой приём, чтобы добиться комического эффекта. Автор, с юмором описывая эти ситуации, показывает наивность, простоту, «непрошибаемость» главного героя и ироничное отношение к нему профессора.

Авторская позиция в тексте не выражена явно. К «чудикам» можно относиться по-разному: можно удивляться узколобости «чудиков» и пытаться наказывать их (как это делали преподаватели вуза, справедливо ставя главному герою неудовлетворительные оценки); можно по-доброму, с юмором относиться к таким людям (как это делал профессор анатомии, и такое отношение ученик запомнил на всю оставшуюся жизнь); а можно посочувствовать «чудику», потому что по своему неведению, не нарочно он попадает в комичные ситуации. У каждого читателя будет своё мнение по этой проблеме, оно зависит от жизненной позиции читающего.

Я затрудняюсь однозначно выразить своё отношение к главному герою. С одной стороны, кажется, что нельзя быть таким наивным и недалёким. В какой-то момент складывается впечатление, что он просто лентяй, не желающий учиться и надеющийся на удачу, и тогда я солидарна с преподавателями института, оценившими отсутствие знаний даже не единицей, а нулём. Разумный человек, по какой-либо причине не сдавший экзамен, должен сделать выводы и начать готовиться. С другой стороны, я понимаю, как много во взрослом герое детской наивности, насколько он «непробиваем». Скорее всего, его не научили учиться, разбираться в людях, ставить цели и достигать их... Тогда мне близка позиция профессора, который уверен, что герою «всё время нужно приходиться», чтобы «учиться» — учиться видеть себя и свои недостатки со стороны. Так же

неоднозначно можно относиться к героям-«чудикам» в рассказах В. М. Шукшина. Например, Андрей Ерин, герой рассказа «Микроскоп», рассматривая в купленном на утаенные от жены деньги микроскопе каплю воды, мечтает избавить человечество от микробов. Читатель понимает, что эта благородная цель никогда не будет достигнута, ведь у героя нет должного образования, поэтому его попытки победить микробы выглядят комично. Я думаю, что будет правильно принимать «чудиков» такими, какие они есть: без осуждения, порицания, считаясь с их странностями и слабостями.

Отношение к «чудикам» всегда противоречивое, потому что насмешка практически всегда сочетается с сочувствием к ним. Именно юмор в такой ситуации позволяет рассматривать человеческие несовершенства и слабости как нечто такое, с чем приходится мириться, что заслуживает снисхождения.

От составителя

Курс «Сильное сочинение» — образовательный проект, сформировавшийся в творческой питательной среде сайта «Могу писать» в 2020 году из цикла вебинаров, посвящённых методике обучения написанию школьных сочинений. Незапланированно и незаметно в процессе занятий родилось сообщество учителей-однокурсников — участников «Сильного сочинения»: благодаря обратной связи и виртуальному общению, выполнению группового и индивидуального домашнего задания мы узнавали друг о друге, делились радостями и трудностями учительских будней. В течение первого сезона (2020–2021 учебный год) прошло три потока курса «Сильное сочинение», в проекте приняли участие порядка 300 человек.

В следующем году решено было курс продолжить. Содержательный акцент теперь был сделан не на методике преподавания, а на технике написания сочинений. Нашей целью стало изучение законов создания эссе. Разбудив в себе писателя, участник курса должен был создать текст; преодолев волнение и страх, представить текст в сообществе; обсудить и отредактировать его. Наградой самым активным и отважным учителям стала публикация авторских эссе в этом сборнике.

Я искренне признательна всем слушателям курса «Сильное сочинение», благодаря которым этот проект стал настоящим творческим локомотивом: он не даёт нам покоя, заставляет двигаться вперёд, развивая свой учительский и человеческий потенциал. Особую благодарность хочу выразить авторам вошедших в сборник очерков, а также Татьяне Бессоновой, которая выполнила корректорскую правку и оформила обложку.

Дорогие коллеги, спасибо, что прочитали наши эссе. Присоединяйтесь к сообществу «Сильное сочинение», вдохновляйтесь, создавайте тексты о своих Учителях! И когда-нибудь эту книгу мы сможем по-настоящему подержать в руках, перелистать, ощутив свежий запах её страниц и гладкость переплёта.